

О важности «поиска себя» (повесть Н. В. Станкевича «Несколько мгновений из жизни графа Z***»)

А. Н. СВАЛОВ*

В статье рассмотрены композиция и содержательные особенности философской повести Николая Станкевича — яркого представителя «образованного дворянства» России 1830-х годов. Ключевые слова: Николай Станкевич, русский романтизм, философская повесть, духовный мир человека, философия любви.

On the Importance of «Self-searching» (N. V. Stankevich's Short Novel «Some Moments of Count Z***'s Life»)

A. N. SVALOV

The article views the composition and content features of a philosophical short novel by Nikolai Stankevich who was a prominent representative of «the educated nobility» of Russia in the 1830s.

Keywords: Nikolai Stankevich, Russian Romanticism, philosophical short novel, the spirit world of person, the philosophy of love.

В 1834 г. в 21-й книжке журнала «Телескоп» под псевдонимом Ф. Зарич¹ была опубликована повесть Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) «Несколько мгновений из жизни графа Z***»². Небольшое по объему произведение стало одним из оригинальных памятников русской романтической прозы, расцвет которой приходится на вторую половину 20-х — 30-е годы XIX в.

Правда, в литературно-художественном отношении повесть получилась неровной и достаточно слабой, что самокритично признавал и автор. «...Я не ослеплен и знаю, что из многочисленных повествователей русских, которых не терпит душа моя, Зарич едва ли не худший», — писал он 26 декабря 1834 г. своему другу Я. М. Неверову (Переписка, 1914: 306), выражая скептическое отношение к редким голосам похвалы. С большой долей уверенности можно утверждать, что на заметный успех повести в плане ее художественных достоинств Станкевич и не рассчитывал. По крайней мере, ранее изданные стихотворения и трагедия «Василий

Шуйский»³, опубликованная в 1830 г., еще до поступления в Московский университет, позволяли говорить о способностях, но не о литературном даровании молодого человека. Не случайно Станкевич не любил, когда его называли литератором, и опыт с прозой не был обусловлен какими-либо претензиями на писательскую известность. Равнять себя с именитыми поэтами и прозаиками — российскими и зарубежными — Станкевич никогда не собирался, и полагаю, что и нам в дальнейшем не следует давать преувеличенные оценки его литературного творчества. «...Я не поэт (прошу не возражать: я искренен и чужд пустых претензий), я не могу звучно и стройно воплотить чувство, не могу даже уяснить его себе, но зато у меня есть чувство...» — признается он в письме Неверову от 2 июня 1833 г. (там же: 225).

Поэтому не удивительно, что далеко не все свои литературные намерения Станкевич осуществлял⁴, а если и писал, то, как правило, для себя и ближайших друзей. Таковы адресаты незаконченного научного сочине-

* Свалов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, академик Академии социальных наук. Эл. адрес: ava-69@mail.ru

ния «Моя Религия», более известного под названием «Моя Метафизика», прозаических миниатюр «Три художника» и «Фантазия», написанных в 1833 г. Эти произведения, наряду с письмами, вбирали и выражали ограниченную диалогичность, что позволяло Станкевичу, натуре нервической, склонной к рефлексированию, выговориться, выразить, пока еще не публично, свои мысли и чувства, душевный настрой. Без предварительного опыта самопознания, определения своего «сredo», «внутренней» литературной работы появление «Нескольких мгновений...» было бы невозможно⁵.

После трагедии «Василий Шуйский» повесть оказалась вторым и последним художественным произведением (если не считать стихотворений), опубликованным Станкевичем (см. дополнительно: Долга, 2007). Она написана в жанре философской, или, как в то время часто говорили по примеру Н. И. Надеждина, философической повести. Появление и развитие новой жанровой формы (напомню, что относительно новым — с первой половины 1820-х годов — был и самый жанр повести вообще) убедительно подтверждало тенденцию к «философизации» русской литературы и культуры, чему, как известно, активно способствовали романтики с их напряженным интересом к проблематике внутренней жизни человека.

Между тем среди философских повестей «Несколько мгновений...» стоят особняком. Перед нами редкое для того времени *интроспективно-исповедальное* прозаическое произведение (Щукин, 2007: 218). Станкевич задумывал повесть, чтобы подвести промежуточные и, как он надеялся, поучительные итоги своих интеллектуальных и духовно-творческих исканий. При этом автор отказался от распространенных жанровых вариаций, примерами которых могут быть исторические или сказочные, фантастические повести. Ему чуждо и нарочитое, ради повышенного внимания читателей, усложнение сюжетных линий и фабулы эпического произведения. Более того, Станкевич вполне осознанно не рассчитывает на популярность

написанного, она его особенно и не заботит. Повесть для него — это, во-первых, еще одна возможность творческого самовыражения, в котором, по мнению романтиков, проявляется душа человека. Во-вторых, возможность диалога, но не с относительно массовым читателем, а со значимым Другим, с избранным кругом адресатов-читателей, готовых к серьезным размышлениям о важности богатой духовной жизни, о необходимости индивидуального самоосознания и свободного раскрытия себя, своего «Я». При всей важности художественной формы — известно, насколько Станкевич с сильным эстетическим чувством умел ее ценить, — первостепенную значимость для него в «Нескольких мгновениях...» имеют раздумья и переживания, которыми он готов поделиться. Этим объясняется, что в повести столь большое место занимает текст первичного, в данном случае авторского, субъекта речи, одновременно выступающего субъектом сознания (см. о субъектной организации литературных произведений: Корман, 2006).

К интересующему нас произведению вполне применима характеристика философической повести, данная Н. И. Надеждиным, университетским профессором Станкевича и издателем-редактором «Телескопа»: такая повесть «представляет избранный момент жизни как развитие идеи, как решение умозрительной задачи» (Надеждин, 1972: 322). Отсюда рефлексивный характер авторского сознания, проявляющийся в повествовании Станкевича.

Становится понятным и генезис автобиографического контекста в рассматриваемом произведении. Причем в рамках этого контекста, когда речь идет вроде бы только о внешнем сходстве обстоятельств жизни графа Z*** и автора, Станкевич емко, но отчетливо расставляет важные для него (да и для нас сегодня!) философские и этические акценты. Так, граф знал в детстве «свободное воспитание»; добрый и умный отец способствовал тому, чтобы научиться видеть природу, «разумную и любящую», как и всю жизнь, с «настоящей точки зрения». Уже

с детства граф не умел «отделять слов от мыслей», не стыдился «чувствовать и верить»; «мелкие и ничтожные побуждения светского юноши были ему незнакомы»; он «не посягал на религию и не молился из слабости» (Станкевич, 2008: 140). А далее разворачивается сюжет повести, когда ее центральный персонаж — ну почему бы ему не жить-поживать «по традиции», спокойно и в довольствии? — начинает с сомнениями, разочарованиями и надеждами «искать себя», чтобы «переплыть житейское море». Подчеркну, что «несколько мгновений» из жизни графа фиксируют не конкретные события, а этапные вехи развития самосознания, духовного развития героя. И в этом прежде всего проявляются автобиографические мотивы, притом что художественный образ графа (как и любой другой) остается символичным, выступает знаком необходимых автору обобщений.

Вместе с тем не будем, по примеру некоторых литературоведов, преувеличивать: Станкевич не ставил задачей «нарисовать реальный тип русского дворянского интеллигента первой половины 1830-х годов...» (Удодов, 2008: 21). Подавляющему большинству дворянских интеллигентов было чуждо желание испытывать себя жизнью, они были далеки от вопросов о новых возможных вариантах собственного жизнестроительства. Интеллигенты, подобные графу Z***, образ которого с проявлениями автобиографизма выведен Станкевичем, — увы, интеллигенты реально редкого типа. И если уж говорить о задаче, которую ставил Станкевич, то она скорее в том, чтобы в русле своих, преимущественно романтических, идей-мотивов представить поведенческую модель человека, желающего осознать ценностные, прежде всего духовные, ориентиры своей жизни, и на этой основе определить наиболее достойные способы самовыражения и самореализации. Весьма показательны высказывание Станкевича, относящееся к сентябрю 1836 г.: «А кто бескорыстно ищет истины, тот уже очищает душу и готовится ее к принятию божества» (Переписка, 1914: 366).

Вкратце напомним об основных «мгновениях»-вехах, обозначенных в повести, поскольку они имеют важное смысловое значение. Граф Z***, статный, умный, да еще и богатый, приехав из деревни в Москву, ведет светскую жизнь, однако не приемлет в ней проявлений бессмыслицы, неискренности в поведении и чувствах. Он, правда, научился вести себя по правилам, «как принято» (граф все-таки), но для него это «чуждый мир», ибо в нем не найти руководителей и спутников для жизни, не удовлетворить «святое стремление к истине», к внутренне богатому и гармоничному существованию. А потому граф этот мир, обманувший его радужные надежды, покидает, утверждая тем самым личностную свободу выбора. Но где же выход, как найти его?

Вначале выход усматривается в науках, и под пером Станкевича главный герой по примеру «всех пылких молодых людей» выбирает для занятий одну метафизику (философию), но потом «с жаром» приступает к изучению истории, религии, искусств... Однако науки оказались недостаточны: «пустота оставалась в душе его, червь точил сердце» (Станкевич, 2008: 142). Граф решил испытать новое средство для «успокоения души своей» — посвятить жизнь «честной и трудной» практической деятельности. Он хочет быть «олицетворенною справедливостью, водворять вокруг себя благо». Получив желаемое место, он совершает полезные добрые дела, но «болезнь души не проходила» и привела к «опасному расстройству в организме». Служба вынужденно оставлена, и граф по совету докторов выезжает за границу, где временное успокоение и даже блаженство ему приносят искусство и любовь.

Мы видим, что героя в процессе поиска жизненных ориентаций и постепенного внутреннего самоосознания не минуют сомнения, переживания, разочарования — их немало было и у самого автора повести. Но это не означает, что перед нами хождение по мукам, жизнь человека, потерянного в самом себе. Полагаю, что удивительно не прав известный литературовед и культуролог

В. Г. Щукин, когда обобщает, что в центре повести Станкевича «неимоверные, плохо мотивированные, кажущиеся порою неестественными и непродуманными страдания «лишнего человека» на фоне благоухающей природы в усадьбе (Щукин, 2007: 321–322). Да, граф страдал, — прежде всего душою, и Станкевич убедительно показал его тяжелое состояние в эпизоде прощания перед отъездом за границу со своим другом Мануилом, прообразом которого был, несомненно, Неверов. Но разве эти страдания человека, ищущего свой путь, испытывающего себя жизнью, можно оценивать как неестественные, плохо мотивированные? Ведь «истины», тем более относящиеся к ценностному строю жизни человека, не преподносятся на блюдецке, и вряд ли кто может приблизиться к их пониманию без внутренних конфликтов, глубоких переживаний и даже страданий. Какие другие, хорошо мотивированные мотивы хотел бы увидеть исследователь? Отмечу, кстати, что Щукину приведенные обобщения потребовались для характеристики «Нескольких мгновений...» как первой (!) в истории русской литературы усадебной повести. Но и здесь его трудно понять, поскольку в данной повести нет ни мифа усадьбы с ее культурной значимостью, ни усадебного хронотропа, ни «меланхолического лирического подтекста» (там же: 320). Ни одно событие вообще не протекает в усадьбе или на ее фоне. Убедиться в этом может каждый, прочитав текст.

Но вернусь непосредственно к повести. Принципиально важно, что в ней главный герой в процессе «поиска себя» постепенно все в большей мере осознает значение внутреннего духовного мира для своего жизнестроительства. При этом в повести отсутствует негативное отношение как к наукам, так и к практической деятельности. Но Станкевич доказывает своим произведением, что, чем бы ни занимался человек, жизненные неурядицы неизбежны, если страдает душа, если ее не обогащают искусство и любовь. Ко времени написания повести Станкевич был адептом и активным проповедником

этих высочайших романтических ценностей. В мае 1833 г. он писал Неверову, и эти строки сродни манифесту: «Искусство делается для меня божеством, и я твержу одно: дружба (или любовь — последний род, первая — лучший из видов и священнейший) и искусство! Вот мир, в котором человек должен жить, если не хочет стать на ряду с животными! вот благотворная сфера, в которой он должен поселиться, чтобы быть достойным себя! вот огонь, которым он должен согреть и очищать душу!» (Переписка, 1914: 221).

Такие аксиологические установки нашли отражение в дальнейшем разворачивании фабулы повести. В ее второй части действие происходит в Вене — городе, который многое может предоставить «любителю человеческих наслаждений» (Станкевич, 2008: 145). Читатель встречается с новым персонажем — молодым немецким бароном, образ которого во многом схематичен. Но этот образ вряд ли следует относить к штаффажным. Барон в глазах графа оказывается «доктором», который подтверждает необходимость жить душою. Первый рецепт для этого — музыка, которая из всех искусств наиболее ценилась романтиками. Не случайно барон — «страстный любитель музыки» приглашает графа на концерт, не случайно они вместе как поборники «немецкой школы» в музыке (о своих предпочтениях Станкевич объявляет в тексте открыто) разыгрывают партитуры опер Моцарта и исполняют фрагменты Шестой (Пасторальной) симфонии Бетховена. Музыка пробуждает душу графа от «долгого усыпления». «Тихо звуки лились за звуками; казалось, давно желанное спокойствие воцарялось в груди страдальца; беспокойный червь отпал от сердца, заговоренный магическою песнию; болезнь души уснула под ропот звуков, как фурия за пламенеющим жертвенником Аполлона» (там же: 146).

Сомнений нет: «лекарство» действует благотворно. Откуда же тогда диссонансы, проявившиеся во время музыкальных упражнений графа, столь удивившие барона? Станкевич хочет показать, что эти диссонан-

сы — отражение еще сохраняющейся дисгармонии в душе героя. Ведь его еще не посетила жизнотворящая, палящая любовь. Собственно, с романтическими размышлениями о ценности любви мы встречаемся уже в начале повести: граф, стремящийся сохранить «святость чувств», мечтает о том, чтобы «случай сблизил его с созданием, достойной высокой, бескорыстной любви, которую он расточал на безответную природу...» Он мечтает о любви, благодаря которой «гордый разум беспрекословно почтил бы бога в творении, вера младенца и любовь юноши дали бы крылья мужественному уму — и куда б не проник он!..» «Без любви, — заключает автор, и это высказывание из повести многократно цитировалось и цитируется в наше время при характеристике взглядов Станкевича, — слабеет вера, чувство долга становится тяжким бременем, жизнь — мучительной борьбой» (там же: 142). Именно в любви, по мнению Станкевича, сливаются воедино разум, воля и чувство человека. Именно любовь становится бесценным «лекарством», преображающим героя повести.

Показательно, что граф знакомится с молодой особой, которая станет его возлюбленной, на симфоническом концерте (этот фрагмент текста поэтично выписан Станкевичем). Под влиянием «небесных звуков» музыки возникает особое расположение чувств, позволяющее графу увидеть в стройной девушке «прекрасное существо»; в его душе начинает звучать «могучая песня любви», и с вдохновением светлеет лик. «...Божество воцарилось в нем с миром и любовью, и в каком-то сладком изумлении смотрела незнакомка на преображенного юношу» (там же: 149). Обыденное, повседневное пересекается в этом фрагменте с волшебным, божественным, что характерно и для эстетического мироощущения Станкевича (Манн, 1998: 268).

Отмечу, что Станкевич, явно под влиянием немецкого философского романтизма, видит в половой любви возможность открытия новых горизонтов и образов человеческого «Я». Принимая свое бытие вместе

с Другим, вживая, вчувствуя себя в Другом, человек отчасти восполняет свою незавершенную завершенность, поднимается ввысь к восприятию ценностей «жизни всеобщей». Влюбленные начинают верить, что в чистом пламени любви с ее мистическими и чувственными переживаниями зарождается новая жизнь, жизнь «вечная, всемогущая», в которой «мы будем в Нем, как Он во всем» (там же: 150). Романтическая философия любви Станкевича убедительно выявлена в повести.

Каждый, кто знаком с «Несколькими мгновениями...», знает, что по волею автора главный герой умирает: «неожиданное блаженство» разрушило «слабый состав» его организма. Но можно ли утверждать, что автор передает «катастрофическое состояние обреченности... героя, который в конце концов умирает от тоски и страданий»? (Шукин, 2007: 322) Ни в коей мере. Ни в одном фрагменте повести нет тезиса, позволяющего говорить о подобных выводах^б. Станкевич далек от пессимизма, и не случайно граф перед смертью испытывает не «тоску и страдания», а удовлетворение оттого, что ему, несмотря на жизненные перипетии, удалось обогатить душу, испытать сильные чувства, главное из которых — любовь. В самом деле, о чем незадолго до смерти пишет граф Мануилу? «Я чувствую в себе присутствие божества. Ни одного сомнения! все ясно! в последние минуты образ ее (возлюбленной. — А. С.) будет мне ответом на все вопросы души... Пусть же рушится мой организм, во мне есть другое существо — любовь; оно вечно, оно однородно с творящей природой — и ощутит себя в лоне ее!» (Станкевич, 2008: 150).

Но все-таки, почему граф Z*** умирает за границей? Станкевич не дает определенного ответа на этот вопрос. Можно предположить, что он как автор, представив в повести размышления о важности обретения человеком внутреннего самоосознания на основе высокой духовности, — а это для Станкевича выступает самым главным — не видит дальнейшую перспективу жизнестроения героя. Какой «подвиг» может он в дальнейшем

совершить в России, в чем проявить теперь поведенческую активность? Это, очевидно, не ясно самому Станкевичу. А потому автору в третьей главе остается предположить, что покой и блаженство смерти составили последнее «мгновение жизни» графа. Его земной путь оборвался, но «природа торжествует свое возрождение...» На заупокойной службе евангельский текст дополняется православной неканонической молитвой Мануила, который, несмотря на всю искреннюю печаль от невозможной потери, «пробуждается от сна» (см. подробнее: Новикова, 1999: 147–149). Ему, возможно, предстоит продолжить смысловые поиски рано умершего друга.

* * *

Повесть «Несколько мгновений...» отражает искания самого Н. В. Станкевича — незаурядного человека, постоянно стремившегося к цельной и духовно богатой жизни. Ныне времена иные, преобладают другие жизненные ориентации, но тем не менее исключительную важность сохраняют послы Станкевича о необходимости каждому человеку «искать и выстраивать себя», обогащая и расширяя свой внутренний духовный мир. Без этого не могут быть значимыми «мгновения» нашей собственной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Псевдонимом Ф[илипп] Зарич Станкевич напоминал о своей родословной. Его дед (по линии отца), серб по национальности, был выходцем из далматинского местечка Зара. В 1757 г. он приехал в Россию и вскоре принял российское «вечное подданство».

² Повесть опубликована в журнале «Телескоп» под названием «Несколько мгновений из жизни графа T***». Вместе с тем уже в оглавлении журнала герой назван графом Z***. Я использую такое «исправленное» название произведения, тем более что оно принято при публикациях и в современной научной литературе (см. подробнее: Елизаветина, 1982: 14). В любом случае, никакая «проблема» за подобной разницей в названиях не стоит.

³ Известно, что после доброжелательной, но взыскательной критики «Василия Шуйского» в печати (автором рецензии в «Литературной газете» от 5 июля 1830 г. с большой долей вероятности был А. А. Дельвиг) Станкевич занялся уничтожением экземпляров изданной трагедии, скупая их в книжных лавках.

⁴ Станкевич, например, намеревался написать новую драму по мотивам стихотворения И. Гёте «Бог и баядерка». Об этом он сообщал 18 мая 1833 г. Неверову: «...припала мне охота развить в драматической форме Баядеру Гёте, — осуществить в ней мое понятие о любви in genere (в общем, в целом. — А. С.), представить постепенное очищение, возвышение души... Не знаю, удастся ли?» (Переписка, 1914: 218).

⁵ Работу над повестью Станкевич начал в апреле 1834 г. Исследователь Г. Г. Елизаветина ошибочно датировала время написания повести 1833 г. (Станкевич, 1982: 83); возможно, впрочем, что имеет место опечатка.

⁶ Признаюсь, мне не понятны и выводы Е. Г. Новиковой, которая пишет, что «граф, истощенный поиском необходимой, но невозможной для него софийной гармонии, умирает» (Новикова, 1999: 148). Почему исследователь столь вольно пишет о некоем «истощении» героя и почему вдруг объявляется о невозможности для него гармонии «ума, любви и веры»? Из текста повести такие заключения отнюдь не вытекают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Долга, О. О. (2007) Литературна творчість М. В. Станкевича : дис. ... канд. філол. наук. Харків.

Елизаветина, Г. (1982) Н. В. Станкевич и его духовное наследие // Станкевич Н. В. Избранное. М. : Сов. Россия. С. 2–24.

Корман, Б. О. (2006) Теория литературы. Ижевск : Ин-т компьютерных исследований.

Манн, Ю. В. (1998) Русская философская эстетика. 2-е изд. М. : Изд-во МАЛП.

Надеждин, Н. И. (1972) Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит.-ра.

Новикова, Е. Г. (1999) Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангель-

ский текст и художественный контекст. Томск : Изд-во Томского ун-та.

Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840 (1914) / редакция и издание Алексея Станкевича М.

Станкевич, Н. В. (2008) Избранное. Воронеж : Изд-во «Центр духовного возрождения Черноземного края».

Удодов, Б. Т. (2008) «Человек должен сам себя создавать» // Станкевич Н. В. Избранное. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края. С. 3–32.

Щукин, В. (2007) Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории. М. : РОССПЭН.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Dolga, O. O. (2007) Literaturna tvorchist' M. V. Stankevicha : dis. ... kand. filol. nauk. Kharkiv.

Elizavetina, G. (1982) N. V. Stankevich i ego dukhovnoe nasledie // Stankevich N. V. Izbrannoe. M. : Sov. Rossiia. S. 2–24.

Korman, B. O. (2006) Teoriia literatury. Izhevsk : In-t komp'uternykh issledovaniy.

Mann, Iu. V. (1998) Russkaia filosofskaia estetika. 2-e izd. M. : Izd-vo MALP.

Nadezhdin, N. I. (1972) Literaturnaia kritika. Estetika. M. : Khudozh. lit-ra.

Novikova, E. G. (1999) Sofinost' russkoi prozy vtoroi poloviny XIX veka: evangel'skii tekst i khudozhestvennyi kontekst. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta.

Perepiska Nikolaiia Vladimirovicha Stankevicha, 1830–1840 (1914) / redaksiia i izdanie Alekseia Stankevicha M.

Stankevich, N. V. (2008) Izbrannoe. Voronezh : Izd-vo «Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia».

Udodov, B. T. (2008) «Chelovek dolzhen sam sebja sozdavat'» // Stankevich N. V. Izbrannoe. Voronezh : Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia. S. 3–32.

Shchukin, V. (2007) Rossiiskii genii prosveshcheniia: issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii. M. : ROSSPEN.

Новые книги

Ильинский, И. М. Прошлое в Настоящем : Избранное / И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 830 с.